

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРЯД СВАДЬБЫ-ПОХОРОН В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. Максим

Кафедра русской и зарубежной литературы
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6., Москва, Россия, 117198

В статье представлен краткий анализ эволюции обряда похорон молодых в русском и румынском фольклоре. Рассматривается образ «жена-смерть» и мотивы, встречающиеся в причитаниях свадьбы-похорон.

Ключевые слова: погребальный ритуал, причитание, обряд соумирания, обряд похорон молодых, образ «жена-смерть», загробный мир.

Существует два живых источника, где можно найти типичные воззрения людей на представление о смерти: это их верования и их погребальные обряды. Можно говорить о сказках, в которых часто встречается персонификация смерти или описание «того света», но в народном творчестве причитания отражают больше всего похоронные обряды и верования любого народа. Внимание собирателей балканской народной поэзии во всех печальных песнях привлекал взгляд на смерть как на брак, на похоронные обряды как на свадьбу [17. С. 7].

Обрядовое «соумирание» жены и мужа понималось языческими народами как вторичное вступление в брак через смерть. Вступление девушки в брак означало для нее обязанность умереть вместе с мужем даже в случае его ранней смерти [5. С. 236]. По данным русских археологов, у восточных славян обычай сжигать вдов на погребальном костре существовал, начиная с II—III вв. н.э. Со временем буквальное исполнение обряда было заменено имитативными формами соумирания. У южных славян, а также у армян, осетин и других народов, если жена выражала желание следовать в могилу за покойником, она отрезала и клала в гроб свои волосы [11. С. 167]. Этот обряд выполнял функцию символической замены одного из участников «посмертного брака». Как только появляются такие дублиеры, обряд соумирания принимает условную форму. Это привело в конечном итоге к вытеснению погребальных мотивов свадебной символикой. Похороны начинают разыгрываться, как свадьба.

Таким образом, различные исторические изменения, которые претерпел обряд, привели к его значительному смысловому расширению, что, с одной стороны, продлило жизнь обряда, а с другой — послужило стимулом к более активному процессу утраты тех начальных представлений, на основе которых он некогда сформировался. Как только уходит из жизни подлинное совместное погребение супругов, свадебные мотивы начинают теснить погребальные, а представление о продолжении земного брака в загробном мире вытесняется представлением о необходимости брака для покойного вообще.

Завершающим этапом в этом трансформационном процессе оказался особо выделявшийся *обряд похорон молодых*. Показательно, что именно этот обряд лучше всего и сохранился. Если раньше речь шла об удовлетворении инстинкта продолжения жизни в ином мире и поэтому покойному предоставлялось все, что он имел при жизни, в том числе и жена, то теперь он должен был получить от жизни последнее благо, взять с собой то, чем не сумел воспользоваться на этом свете. Смысловое ограничение похорон как свадьбы только для молодых вызывало еще больше, чем раньше, расширение свадебных атрибутов-символов и привело в конечном итоге к созданию полной инсценировки свадьбы на похоронах.

Обряд посмертного венчания молодых, возникший, по всей вероятности, как отражение поздней стадии развития ритуала соумирания, хорошо сохранился у многих народов мира. Он встречается у греков, славян, финно-угров, арумын и румын. Ритуал, по которому девушку, если она не была замужем, выдавали замуж уже после ее смерти, на Руси был распространен повсеместно. По известию Массуди, «если у славян... кто умирает холост, его женили по смерти» [5. С. 237].

Обряд соумирания супругов в его начальной форме не получил широкого отражения в русском фольклоре. Прямые или косвенные свидетельства этого живого некогда ритуала в фольклоре не многочисленны. Обряд обручения умершей, полагал У.Г. Кагаров, подвергался как упрощению, так и одновременному переосмыслению, поскольку пришел в соприкосновение с верой «в заложных покойников» (терминология Д.К. Зеленина), т.е. умерших до брака, которые якобы начинают преследовать живых, «во избежание чего последние и прибегают к символическому венчанию покойников» [4. С. 108].

В румынском суеверии молодые, которые умерли, не успев вступить в брак, не могут найти вечного покоя после смерти и будут мучиться в облике вампира. В этих случаях существует церемониал во время похорон, на котором празднуется их свадьба с природой и со Смертью. Таким образом, румыны пытались обеспечить мертвому вечный покой. Этот охранительный смысл стал весьма актуальным именно тогда, когда акт сопогребения уже ушел в прошлое.

К. Шейковский свидетельствовал, что «в Малороссии умершую девушку наряжают, как под венец, и к погребальному обряду присоединяют свадебный; то же делают и при смерти парубка; у подолян есть убеждение, что умирающим без дружины нет места на том свете, поэтому похороны парубка носят название свадьбы-веселия и совершаются со свадебной обстановкой: употребляются квитки, венки и платки. Умершей девушке прикладывают два венка и дают платки несущим хо-

ругви; для нее на тот свет назначается жених, и таким молодым бывает какой-нибудь парубок: ему перевязывают руку платком, и в таком виде он провожает покойницу до хаты (могилы). С той поры семья умершей считает его зятем, а прочие вдовцом» [12. С. 23].

У румын, как и у русских, всех умерших девушек одевают в самые лучшие и красивые наряды и украшают, как невест. В некоторых регионах им надевают на голову венец. Таким же образом умерших парней одевают, как женихов. С.Фл. Мариан говорит, что «так и объясняется традиция, как и в Валахии, так и в Буковине, называть умерших парней и девушек — женихом и невестой, а если спросить их родителей, то они отвечают, что они действительно они женаты и замужем» [14. С. 65].

В большинстве деревень Буковины, когда умирал молодой человек, ему собирали дружину, а умершей девушке — дружек, чтобы носить их тело так так, как будто его женят, а ее выдают замуж [14. С. 253]. Во всех регионах Румынии подружки невесты провожают умершего молодого. Друзей «мертвого жениха», или дружины, обычно бывает четверо, и они несут тело и стреляют из оружия во все время процессии [14. С. 253]. Иногда один из них идет впереди траурной процессии и угощает всех, кто встречается на пути, стаканом цуики (водки), точно также, как и на свадьбе [14. С. 253]. В Бессарабии умерших девушек сопровождают до гроба только молодые люди, которые повязывают себе на руки повязки, как на свадьбе дружки.

Этот обряд похорон молодых умерших, который встречается у южных славян и у румын, включает действие с деревом. В Румынии выкапывают в саду небольшое дерево черешни или сливы, но чаще всего выбирают елку, которую в причитаниях называют «невестой или женихом мертвого». Дерево украшают [14. С. 253] лентами, белым полотном, красными нитками и ставят перед домом умершего, потом его несут впереди траурной процессии, а в конце сажают на могиле. Подобный обряд на самом деле принадлежит свадебному обряду, который встречается у югославов и румын [16. С. 366].

В начале румынских причитаний молодых называют чаще всего женихом и невестой. Сразу после этого их просят встать из гроба и выбрать себе жениха или невесту. Участвующие в похоронах сравниваются со свадебной свитой [16. С. 5]. О молодом умершем говорят, что он женился на дочери ветра: «Если ты жених, скажи:/ Чью девушку берешь в жены?/ Берешь дочку ветра,/ Из глубины земли!» [15. С. 350], а умершей девушке говорят, что она вышла замуж за царского сына: «Дочь моя, невеста моя.../ Где мой зять?/...ты вышла замуж,/ За царского сына,/ И я тебе приданое не дала» [15. С. 358]. Обычно причитают, обращаясь к природе: «Кто свадьбу твою увидит?/ Только месяц и одна звезда!» [15. С. 350]/

На первый взгляд кажется, что мы имеем дело с той же заменой-символом, что и в случае, когда в гроб кладут волосы вдовы умершего. Разница заключается в дополнительной мотивировке, полностью разъединяющей мир живых и мертвых. В данном случае погребальные мотивы начинают вытесняться свадебными.

Сохранились достаточно полные описания этого обряда, сделанные в мордовских селах в начале 1940-х гг., что говорит о его устойчивости. Взамен усопшей девушки, «не успевшей выйти замуж при жизни, выбиралась из ее подруг и сверстниц девушка, которая по здешним обычаям, должна была стать невестой, заменой, заместительницей умершей подруги. Избирался и парень, который должен был сыграть роль жениха избранной девушки-заместительницы» [3. С. 268]. После погребения покойницы «участницы похорон от кладбища отправлялись (вместе с избранной парой молодых) в дом родителей умершей, имитируя свадебное шествие» [3. С. 188]. Характерно, что участники посмертной свадьбы исполняют плачи, свадебные причитания [3. С. 189].

В Восточной Европе, по данным Мирче Элиаде, избранник-заместитель терял человеческие очертания: в случае смерти молодых людей их женят на сосновом дереве [15. С. 23].

Ритуальная инсценировка свадьбы завершалась поминками. Таким образом, в самой композиции ритуала свадьбы-похорон уже заключен один из внешних источников соединения различных известных в фольклоре представлений о браке и смерти.

Формулировка в фольклоре представления «жена-смерть» и «свадьба-похороны» восходит к поздней стадии существования обряда соумирания, когда он исполнялся уже условно. Традиционность его соблюдения диктовалась уже только охранительными соображениями. На этой стадии развития обряда жена земная не следовала за умершим супругом, она оставалась на земле, что мотивировалось в ходе обряда приблизительно следующим образом: «Я не могу пойти с тобой, так что разрешаю тебе жениться». Что же касается умершего, то он должен был вступить в «новый брак», оставив свою земную супругу в покое.

Этот новый смысл народных верований был закреплен в ряде русских и румынских фольклорных жанров (былины, исторические песни, дойны и т.д.) В похоронных плачах мертвец «сватается» в иную жизнь, к иной жене. В плаче по умершему отцу встречаются следующие строки: «Свет ты мой, кормилец батюшка,/ Отчего-то ты посватался от нас?/ Аль тебе, родимый батюшка,/ У нас пить-есть нечего?» [6. С. 148].

Похоронные плачи воспроизводят и сам обряд венчания покойного, но венчание, как правило (особенно если речь идет о сироте), переносится на «тот свет», где умершего юношу «женят» его давно почившие родители по всем правилам земного свадебного этикета: «Повстречали меня да красны девушки,/ Красны девушки да все подруженьки,/ Повели меня ко белу столу, / Ко белу столу да к украшеньицу, / Берут они да за праву руку, / За праву руку да за один палец,/ За палец да за обрученьицу,/ Подают они да золото кольцо,/ Золото кольцо да обручали-цо» [2].

Историческую причину широкого употребления скрытой метафоры «жена-смерть» в лирической поэзии и единичность этого приема в похоронных плачах следует объяснять разной степенью и разными формами использования фольклорными жанрами табу на слово. Русский и румынский фольклор лишь в исклю-

чительных случаях прямо отражают обряд соумирания, поддерживают и сохраняют стадиально более поздние обрядовые представления не только благодаря их обобщению с последующей формулизацией в песенных жанрах, но и благодаря закреплению данных представлений в строго определенных типах сказочных сюжетов (русские сказки «Аленький цветочек», «Финист ясный сокол» и румынские сказки «Молодость без старости, и жизни без смерти», «Фэт-Фрумос из слезы» и др.)

Образ смерти-свадьбы широко распространен в фольклоре славянских народов и у румын, причем «основой для сопоставления смерти со свадьбой послужило то, что они воспринимались как переход в новое состояние, как начало нового жизненного этапа» [9. С. 195].

Если умирала молодая девушка, родственники готовили покойницу к погребению, как готовят невесту для поездки в церковь, потом в дом жениха, ее и одевают, как невесту. На похоронах подруги умершей иногда поют свадебные и подвенечные песни. Вряд ли можно объяснить это явление только представлением христианских представлений об умершей девушке, как о «христовой невесте». Интересен исследованный Л.С. Кавтаськиным мордовский обряд имитации свадьбы при похоронах девушки: избиралась «заместительница» умершей, в общих чертах инсценировался свадебный обряд, в хвалебных песнях участвовавшие рассказывали о семье жениха, показывали матери «жениха» и «невесту» [3]: «Я не знаю, горюшица, не ведаю/ ...Что гульбищечко ль у нас да е прокладбище,/ Аль унылая слезлива в доме свадебка,/ Красной девушки замужне выдаваньице?» [1. С. 132].

Образ дороги основывается на представлениях о смерти как о переселении в загробный мир, причем переселение совершается в форме путешествия. Подобное осмысление смерти тесно связано с языческим ритуалом умерщвления стариков — проводами на «тот свет». Особенно важно и интересно то, что хотя конечная цель поездки — достижение загробного мира — ирреальна, лежит за гранью обыденного сознания, провожающие этого «не понимают», и отношение их к предстоящему путешествию умершего двойственно. С одной стороны, для них это реальное пространственное перемещение, с другой — перемещение в иную плоскость, в четвертое измерение, в неизвестность. Важное место в причитании уделяется тому, каким образом достигнет умерший загробного мира: пешком, верхом, на санях, в телеге, на лодке.

В причетах можно встретить указание на то, что возвращение покойника из мира предков невозможно. Надо сделать оговорку: очевидно, невозможным мыслилось возвращение той же дорогой, по которой шел умерший на «тот свет». Вообще же возвращение покойника или его общение с живыми считалось вероятным.

Локализация загробного мира в подземной сфере связана, очевидно, с наиболее распространенным способом погребения — погребением в земле (**мотив могилы**). Могила обычно изображается «глубокой и страшной». Могильное пространство раздваивается: объем его одновременно и строго ограничен, и безгра-

ничен. Вследствие этого появляется объяснение могилы-пещеры, могилы-погребка как входа в подземный мир, через который умерший проникает в зону мертвых.

Загробный мир понимается как продолжение земного, с привычными для живых условиями жизни, привычной деятельностью. Полностью на «том свете» сохраняются родственные отношения (*мотив родства*), и они очень сильны: умершие живут семьями и, естественно, численность их постоянно увеличивается. Именно соединение со своими предками является основной целью путешествия в загробный мир: «Умирал-то я с радостью, / Снаряжался я к отцу да к матери, / Повстречал меня да родный папенька, / Родный папенька, да родна маменька...» [7]. Устойчив *мотив приглашения умершего в гости*: «Я пришла, бедна горюшица, / Тебя звать да в дороги гости, / Я в сой да благодатный дом» [8]. Обычно умершего спрашивают о том, когда он придет в гости. Для возвращения его выбирается наиболее удобное время, когда можно совершить длительное путешествие.

Значительно чаще встречается в причете *образ птицы*. Внешней мотивировкой его является то, что птица может беспрепятственно покидать загробный мир, так как для нее не существует обычных преград. Душа-птица навещает своих родственников и оказывает им покровительство. В то же время птица переносит извещения из одного мира в другой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барсов Е.В. Причитания Северного Края. Часть I. — М., 1872.
- [2] Ерёмин В.И. Об основных этапах развития метафор в народной лирике // Русская литература. — 1967. — № 1.
- [3] Кавтаськин Л.С. Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. — Ленинград, 1974.
- [4] Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. — 1936. — № 1.
- [5] Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. — М., 1868.
- [6] Лотман Ю. Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г.Р. Державина // Русская литература. — 1960. — № 3.
- [7] МГУ.П.2. Т.14. — 1971. — № 103.
- [8] Сказки, песни, частушки Вологодского края. — Вологда, 1965.
- [9] Соколов В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Ленинград, 1978.
- [10] Тараканова С.А. Древности псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. — М., 1953.
- [11] Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М., 1982.
- [12] Шейковский К. Быт Подолян. — Киев, 1883.
- [13] Eliade M. Storia delle gregenze e delle idée religiose. — Firenze, 1979.
- [14] Marian S.Fl. Inmormantarea la romani. — Bucuresti, 1892.
- [15] Marian S.Fl. Inmormantarea la romani. — Bucuresti, 1995.
- [16] Marian S.Fl. Nunta la romani. — Bucuresti, 1890.
- [17] Muslea I. La mort — marriage: une particularite du folklore balkanique // Cercetari etnografice si de folclor. — Bucuresti, 1972.

RITUAL OF WEDDING-FUNERAL IN THE RUSSIAN AND ROMANIAN FOLKLORES

M. Maxim

Russian and Foreign Literature Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article presents a concise analysis of the evolution of the funeral ritual for the young people, in the Russian and Romanian Folklores. It involves a study of the “Wife — Death” image and motifs found in the “Wedding — funeral” Lamentations.

Key words: funeral ritual, lamentation, the rite of mutual death (or the ritual of accompanying the dead in the other world), funeral ritual for the young people, the “Wife — Death” image, underworld.